

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ.

НИГИЛИСТЫ.

А. Чехов. „Разказъ неизвестнаго человека.“
Русская Мысль, февраль.

I.

Теперь для многих даже как-то странно слышать это слово: „нигилисты“. Мы успокоились, мы уверены что „нигилисты“ были и бывшемъ поросли. Общепринятые и общедоступные признаки нигилизма—господить въ пледъ и съ растрепанною шевелюрой, барышня стриженная и въ очкахъ—отошли въ область преданий. Теперь все спуталось. Теперь часто можно видѣть какъ господинъ въ пледъ и съ растрепанною шевелюрой ставитъ свѣчки у Иверской, а барышни совершенно перестали стричь волосы и носить очки. И поэтому мы успокоились. Общедоступные признаки исчезли, и мы рѣшили что нигилизмъ былъ и бывшемъ поросъ.

Такой оптимистическій взглядъ явился вълѣдствіе того что, въ сущности, мы никогда не понимали что такое нигилизмъ и судили о немъ единственно по общедоступнымъ признакамъ. Кромѣ растрепанной шевелюры и стриженныхъ волосъ, въ обществѣ мало что и знали о нигилизмѣ, и лишь когда случалось что-нибудь экстраординарное, въ родѣ взрыва поезда или уличной демонстраціи, въ обществѣ говорили: „это нигилисты“, а самыя „умныя головы“ подымали многозначительно пальцы и произносили: „организмич-съ!“ И думали что этимъ все сказано. Нигилизмъ и нигилисты представлялись чѣмъ-то таинственнымъ и загадочнымъ, какъ бы какими-то особеннымъ масонскимъ браствомъ, и у всякаго мало-мальски разсудительнаго человека просто, какъ говорится, „уши ваули“ прилупиваясь къ тогдашнимъ „интеллигентнымъ“ толкамъ обо всѣхъ этихъ дѣлахъ.

Но когда тутъ же, на ряду со всевозможными анархистскими поученіями, происходило банковое, желѣзно-

дорожное и всяческое воровство,—та же самая „интеллигенція“ не видѣла въ этомъ никакого „нигилизма“, а просто почти каждый изъ „интеллигентовъ“ думалъ „какъ бы и мнѣ то же“. Это былъ нигилизмъ житейскій. И вотъ эти-то господа „интеллигенты“, придерживавшіеся житейскаго нигилизма, никакъ не могли понять нигилизма принципиальнаго; онъ для нихъ оставался явленіемъ загадочнымъ и таинственнымъ. Отсюда—сужденіе по внѣшнимъ признакамъ—и только, отсюда—полное равнодушіе къ явленію и къ его ужасному смыслу.

Между тѣмъ именно на почвѣ этого житейскаго нигилизма выросъ и нигилизмъ принципиальный. Это хорошо понимаетъ Достоевскій. „Спрашиваютъ, откуда у насъ взялись нигилисты“, писалъ онъ.—„Да ни откуда не взялись, а всегда были съ нами, въ насъ и при насъ.“

Безъ сомнѣнія, всегда были съ нами, въ насъ и при насъ съ самой петровской реформы, съ самаго того времени какъ мы, соприкоснувшись съ Европой, усвоили нѣмѣе ея идеалы и начали возводить въ принципъ и въ право требованія маммоны.

Чтобы схватить яснѣе свою мысль, напомню читателямъ то что было мною сказано въ прошлыхъ моихъ „Литературныхъ замѣткахъ“. Я тогда разбиралъ статью г. П. Кускова *Наша идеали, помѣщенную въ февральской книжкѣ Русскаго Обозрѣнія*. Статья, какъ помнятъ читатели, написана въ формѣ діалога между Русскимъ и иностранцемъ. Русский говоритъ о *нашихъ идеалахъ* въ противоположность ихнимъ, западно-европейскимъ. Онъ говоритъ, между прочимъ: „вашъ идеалъ—богатство“, и прибавляетъ что хотя и у насъ есть люди алчные, корыстные, служащіе только своему чреву, но что богатство не нашъ идеалъ. Отсюда и разница между отношеніемъ къ своему богатству нашего богача и западно-европейскаго. Нашъ богачъ, если приобрѣлъ свое богатство несправедливо, или даже если только относится къ нему не похристиански, находится всегда въ состояніи безпокойства и внутренняго ужаса, откуда и такое специфически русское явленіе какъ „самодурство“, замѣчаетъ авторъ; „вашъ богачъ“, продолжаетъ онъ,—„человѣкъ

Слѣд. см. в
"1893"

спокойный, степенный, онъ утопаетъ въ чувствѣ собственнаго достоинства“.

Откуда же такая разниа?

Нашъ народъ думаетъ что богатому трудно спастись, потому что богатство *обязываетъ*, налагая на человека трудный подвигъ, заключающійся въ томъ чтобы по-христіански относиться къ своему богатству. Точно такъ думаетъ и нашъ богачъ. Не по-христіански относаясь къ своему богатству, онъ мучается, всегда сознавая въ глубинѣ своей души что поступаетъ не такъ, какъ должно. Европейскій богачъ, напротивъ, смотритъ на свое богатство какъ на свое *право*, а потому спокоенъ и доволенъ.

Нашъ народъ думаетъ что если богачъ долженъ по-христіански относиться къ своему богатству, то и бѣднякъ долженъ по-христіански относиться къ своей бѣдности, то-есть долженъ терпѣливо переносить свою бѣдность, ради спасенія души. Европейскій бѣднякъ, уже чуждый христіанскаго настроенія, относится къ своей бѣдности иначе. Онъ видитъ въ ней какъ бы нарушеніе своего права, такъ же точно, какъ европейскій богачъ видитъ въ своемъ богатствѣ свое право. А отсюда стремленіе возстановить свое право, выразившееся теоретически въ социализмъ и практически въ анархистскихъ попыткахъ; отсюда то что въ Европѣ принято называть „соціальною борьбой“, борьбой между классами, — явленіе невозможное у насъ до тѣхъ поръ пока народъ нашъ сохраняетъ свое воспитанное въ немъ вѣками христіанское настроеніе.

Нашъ народъ думаетъ что всякій чѣмъ-либо владѣющій владѣетъ вовсе не *по праву*, а по Божьему произволенію; что онъ только приставникъ къ своему имуществу, приставникъ, отъ котораго потребуютъ отчетъ тамъ гдѣ будутъ судить наши дѣла и помышленія. Изъ такого христіанскаго убѣжденія нашего народа вытекаетъ его взглядъ на богатство и бѣдность.

Народъ нашъ думаетъ что безусловную цѣнность имѣетъ только одно—безсмертная душа человѣческая; все остальное условно и относительно, въ томъ числѣ бѣдность и богатство. Съ точки зрѣнія европейской—не такъ. Съ этой точки зрѣнія матеріальныя блага

имѣютъ безусловную цѣнность. Въ этомъ-то, въ томъ что безусловная цѣнность придается чему-либо иному, кромѣ души человѣческой, и заключается самая глубокая сущность *нигилизма*.

Эта идея, идея нигилизма, благодаря европейскимъ воздѣйствіямъ, отразилась и у насъ. Въ обществѣ нашемъ исчезло христіанское настроеніе, и какъ только оно исчезло, такъ тотчасъ появился житейскій нигилизмъ. На почвѣ этого житейскаго нигилизма выросъ у насъ нигилизмъ принципиальный, и Достоевскій былъ совершенно правъ, сказавъ что нигилизмъ у насъ ни откуда не взялся, а всегда былъ съ нами, при насъ и въ насъ.

Однако, принципиальный нигилизмъ получилъ у насъ совершенно особый, не европейскій характеръ, получилъ, такъ-сказать русскую окраску.

Въ Европѣ анархизмъ есть явленіе политическое, у насъ это явленіе психологическое—и только. Въ Европѣ анархизмъ явился какъ результатъ послѣдовательнаго хода всей тамошней исторіи, у насъ онъ не имѣлъ никакой связи съ вѣковыми идеалами народными, есть явленіе только болѣзненное, есть нарывъ на живомъ и мощномъ тѣлѣ народномъ, есть выраженіе тоски блуднаго сына, растратившаго свое душевное имущество съ блудницами и ложными друзьями, но не находящаго еще въ себѣ мужества чтобы вернуться въ отчий домъ. Вотъ почему нашъ нигилизмъ въ житейскомъ своемъ выраженіи есть явленіе отвратительное и грязное, въ принципиальномъ же своемъ выраженіи—явленіе, съ одной стороны, ужасное, съ другой—трагическое и трогательное. Въ своемъ выраженіи трагическомъ и трогательномъ нашъ нигилизмъ вовсе не есть результатъ убѣжденія, результатъ какаго-нибудь логическаго вывода, онъ вовсе не есть стремленіе къ чему-нибудь опредѣленному, къ какому-нибудь политическимъ правамъ, къ тому или иному общественному переустройству—онъ есть просто *душевное состояніе*, результатъ какаго-то страннаго и мрачнаго отъединенія отъ жизни—отъ всей жизни, во всей ея совокупности.

Я говорю о серьезномъ нигилизмѣ и его представителяхъ, а не о томъ, на половину смѣшномъ, на половину грязномъ, хвостѣ

нигилизма, — хвостъ который бываетъ во всякомъ движеніи. Не говорю и о такъ-называемомъ „литературномъ нигилизмѣ“, вся роль котораго заключалась въ томъ что онъ состоялъ на побѣгушкахъ у нигилизма, плелся за нимъ въ хвостъ, всегда растерянный, и несмотря на постоянный напускной или нервозный азартъ, всегда малодушный и равнодушный къ чему бы то ни было, кромѣ своихъ домашнихъ дѣлъ.

II.

Въ своемъ разказѣ г. Чеховъ пытается изобразить и тотъ, и другой видъ нигилизма, то-есть житейскій и принципиальный. Свою тему г. Чеховъ, повидимому, хотеть взять очень широко, но разказъ не оконченъ, такъ что пока про автора можно сказать: „высоко летаетъ, гдѣ то сидеть“, — но ужъ и по началу разказа можно замѣтить что сидеть онъ не на томъ мѣстѣ гдѣ слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе, въ той части разказа которая уже появилась въ печати есть интересныя мѣста.

Самый разказъ ведется отъ имени нигилиста — и нигилиста принципиальнаго. Авторъ, совершенно непонятно для чего, затушевываетъ это, хотя флеръ, накинутый имъ, слишкомъ прозраченъ. Не надо бы вовсе никакого флера, объ этихъ дѣлахъ пора заговорить открыто, пора сказать всю правду, тѣмъ болѣе беллетристу, который не разсуждаетъ, а изображаетъ. Чѣмъ яснѣе, художественнѣе, безпристрастнѣе будетъ изображеніе невозможны станутъ темныя догадки, кривые толки, невозможны станутъ ни либеральныя, ни консервативныя софизмы, до сихъ поръ затемнявшіе дѣло огромной важности и огромнаго значенія. Отыскивать виноватаго вообще очень тяжелая и совершенно бесполезная работа, а художнику оно и вовсе не пристало. Его дѣло — дать яркое художественное изображеніе, и въ самомъ этомъ изображеніи само собою станетъ ясно въ кто виноваты, и вѣрнѣе всего, станетъ яснымъ что виноваты все, каждый въ свою мѣру, въ мѣру того что было дано ему, и чего онъ не сумѣлъ сохранить и оберечь.

Но вотъ что разказываетъ о себѣ „неизвѣстный человѣкъ“.

„По причинамъ, о которыхъ не время теперь говорить подробно, я долженъ былъ поступить въ лакеи къ одному петербургскому чиновнику, по фамилии Орлову. Было ему около 35 лѣтъ, и звали его Георгіемъ Ивановичемъ.“

„Къ этому Орлову поступилъ я не ради его самого, а ради его отца, извѣстнаго государственнаго человѣка, котораго считалъ я серьезнымъ врагомъ своего дѣла. Я разчитывалъ что, живя у сына, по разговорамъ которые услышу, и по бумагамъ и запискамъ какія буду находить на столѣ, я въ подробности изучу планы и намѣренія отца“.

„Неизвѣстный человѣкъ“ напрасно думаетъ что о причинахъ заставившихъ его поступить въ лакеи теперь „говорить не время“. Надо было прямо сказать что онъ, „неизвѣстный человѣкъ“ — анархистъ, что въ этомъ, въ анархизмѣ, заключалось то „дѣло“, котораго „серiousнымъ врагомъ“ былъ отецъ Орлова. Подобные случаи, когда анархисты поступали, ради своихъ цѣлей, въ лакеи или на подобныя должности, бывали, — случаи, конечно, въ высшей степени интересные въ психологическомъ отношеніи. Далѣе, „неизвѣстный человѣкъ“ разказываетъ о себѣ:

„У меня тогда начиналась чахотка. Не знаю, подъ влияніемъ ли болѣзни, или начинавшейся перемѣны мировоззрѣнія, которой я тогда не замѣчалъ, мною изо дня въ день овладѣвала страстная, раздражающая жажда обыкновенной, обывательской жизни. Мнѣ хотѣлось душевнаго покоя, здоровья, хорошаго воздуха, сытости. Я становился мечтателемъ и, какъ мечтатель, не зналъ что собственно мнѣ нужно. То мнѣ хотѣлось уйти въ монастырь, сидѣть тамъ по цѣлымъ днямъ въ башенкѣ у окошка и смотрѣть на деревья и поля; то я воображалъ какъ я покупаю десятинаъ пять земли и живу помѣщикомъ; то я давалъ себя слово что займусь наукой и непременно сдѣлаюсь профессоромъ какого-нибудь провинціального университета. Я — отставной лейтенантъ нашего флота; мнѣ грезилась море, наша эскадра и корветъ, на которомъ я совершилъ кругосвѣтное плаваніе. Мнѣ

хотелось еще раз испытать то невыразимое чувство, когда, например, гуляя в тропическом лесу, или глядя на закат солнца в Бенгальском заливе, замираешь от восторга и, в то же время, грустишь по родине. Мне снились горы, женщины, музыка... Похоже было на то, как будто я только впервые стал замечать что, кроме задач составлявших сущность моей жизни, есть еще необъятный внешний мир, с его впадинами, бесконечностью и с миллиардами жизней в прошлом и настоящем. Я с любопытством, как мальчишка, всматривался в лица, вслушивался в голоса. И когда я стоял у двери и смотрел как Орловъ идет по коридору, я чувствовал себя не лакеем, а любопытным зрителем.

Как видеть читатель, здесь именно изображено то душевное состояние о котором я говорил в предшествующей главе—душевное состояние производимое отъединением от всей жизни, во всей ее совокупности. Для человека находящегося в таком душевном состоянии действительный мир исчезает, и пустота образовавшаяся на месте этого исчезнувшего мира населается призраками и фантомами, безоружными и безсодержательными, но казавшимися чем-то реальным, с чем можно и должно бороться.

Это замечает и сам „неизвестный человек“, замечает под влиянием „начинавшейся перестройки мировоззрения“. Похоже было на то, говорит он, „как будто я впервые стал замечать что кроме задач составляющих сущность моей жизни, есть еще необъятный внешний мир, с его впадинами, бесконечностью и миллиардами жизней в прошлом и настоящем.“

За эти строки многое можно простить г. Чехову. Он показывает что он глубоко подумал в явление и схватил его истинную сущность, но крайней мерой в общих очертаниях. Всегда переход от принципиального нигилизма к чему-нибудь иному начинается именно с этого, с признания действительности, с ее впадин, с ее бесконечностью, должна быть понята и объяснена. Такой всегда первый шаг. Этим

первым шагом уже намечается весь дальнейший путь, тернистый, трудный, медленный и болезненный путь измученной души, ставшей в непримиримое противоречие с выводами ума. Этот путь, раз на него вступил человек, от принципиального нигилизма, если этот нигилизм не был всего только потехой самолюбия, непременно приведет к христианскому мировоззрению, ибо только оно может разрешить вопрос во всей полноте, вопрос о жизни неразорванной, о жизни взятой во всей ее совокупности. Ибо только в жизни взятой во всей ее совокупности разрешаются и находят примирение те ужасающие контрасты которые мучат и истязают душу человеческую.

Наших анархистов часто сравнивали с Донъ-Кихотом. Это сравнение не верно. Донъ-Кихот сражается с мельницами, для него мир тоже населен призраками и фантомами, и в этой части своего душевного состояния он, пожалуй, имеет сходство с анархистами; но в душе у Донъ-Кихота есть нечто твердое, нечто неизбывное, нечто не призрачное, а действительное. В этом разница. В душе же „неизвестного человека“ нет ничего твердого и неизбывного, там все так же призрачно, опустошенная душа его наполнена такими же призраками и фантомами, какими наполнен и мир созданный грезой этой души.

III.

„Неизвестному человеку“, поступившему в лакеи, не пришлось, однако, достигнуть своей цели. Оказалось что Орлов не имеет никаких сношений со своим отцом. „Неизвестному человеку“ оставалось только наблюдать жизнь своего барина, и вот тут-то он столкнулся с картиной житейского нигилизма, того житейского нигилизма, на почве которого развился, созрел и дал плод нигилизм принципиальный.

Главными представителями житейского нигилизма являются сам Орлов и его приятель Пекарский. Орлов был человек образованный, „сидит“ за литературой, читал книги на трех языках, кроме русского, но ни во что не верил, кроме своего чрева. О Пе-

карскомъ авторъ разказываетъ слѣдующее:

„Самымъ солиднымъ и, пожалуй, интереснымъ былъ гость по фамилии Печкарскій, высокій, худощавый человѣкъ, дѣтъ сорока пяти, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, съ большою черною бородой и съ лысиной. Глаза у него были большіе, на выкатѣ, и выраженіе лица серьезное, вдумчивое, какъ у греческаго философа. Служить онъ въ управленіи желѣзной дороги и въ банкѣ, былъ юрисконсультomъ при какомъ-то важномъ казенномъ учрежденіи и состоялъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ со множествомъ частныхъ лицъ, какъ опекунъ, председатель конкурса и т. п. Имѣлъ онъ чинъ совѣтъ небольшой и скромно называлъ себя присяжнымъ повѣреннымъ, но вліяніе у него было громадное. Его визитной карточки или записки достаточно было чтобы васъ принялъ не въ очередь знаменитый докторъ, директоръ дороги или важный чиновникъ; говорили что по его протекціи можно было получить должность даже четвертаго класса и замѣть какое угодно непріятное дѣло. Считался онъ очень умнымъ человѣкомъ, но это былъ какой-то особенный, странный умъ. Онъ могъ въ одно мгновеніе помножить въ умѣ 213 на 373, или перевести стерлинги на марки безъ помощи карандаша и табличекъ, превосходно зналъ желѣзнодорожное дѣло и финансы, и во всемъ что касалось администраціи для него не существовало тайнъ; по гражданскимъ дѣламъ это былъ искуснѣйшій и непобѣдимый адвокатъ. Но этому необыкновенному уму было совершенно непонятно многое что знаетъ даже иной глупый человѣкъ. Такъ, онъ рѣшительно не могъ понять почему это люди плачутъ, страдаютъ и даже другихъ убиваютъ, почему они волнуются по поводу вещей и событій которыя ихъ лично не касаются, и почему они смѣются когда читаютъ Гоголя или Щедрина... Все отвлеченное, исчезающее въ области мысли и чувства, было для него чудно и скучно, какъ музыка для того кто не имѣетъ слуха. Когда при немъ заговаривали, напримѣръ, о непротивленіи злу, о любви или о новомъ романѣ Зола, то онъ стучалъ пальцами

по столу и внимательно прислушивался къ этому стуку. На людей онъ смотрѣлъ только съ дѣловой точки зрѣнія и дѣлилъ ихъ на способныхъ и неспособныхъ. Иного дѣленія у него не существовало. Честность и порядочность составляютъ лишь признаки способности. Кутить, играть въ карты и развратничать можно, но такъ чтобы это не мѣшало дѣлу. Вѣровать въ Бога не умно, но религія должна быть всячески охраняема, такъ какъ для народа необходимо сдерживающее начало, иначе онъ не будетъ работать. Наказанія нужны только для устрашенія. На дачу выѣзжать не зачѣмъ, такъ какъ и въ городѣ хорошо. И такъ далѣе. Онъ былъ вдовъ и дѣтей не имѣлъ, но жизнь велъ на широкую, семейную ногу и платилъ за квартиру три тысячи въ годъ.“

Остальные гости Орлова были просто прихлебатели. Мы не станемъ останавливаться на описаніи времяпровожденія всѣхъ этихъ господъ, остановимся лишь на ихъ разговорахъ.

„За ужиномъ они продолжали свой картежный разговоръ и потомъ постепенно переходили къ другимъ сюжетамъ. О, еслибы вы знали, что это были за разговоры! Начиналось обыкновенно съ того что Орловъ со смѣющимися глазами заводилъ рѣчь о какомъ-нибудь знакомомъ, о недавно прочитанной книгѣ, о новомъ назначеніи или проектѣ; лѣстливый, хихикающій Кукушкинъ подхватывалъ въ тонъ, и начиналась, по тогдашнему моему настроенію, препротивная музыка. Иронія Орлова и его друзей не знала предѣловъ и, подобно больному волку, который на своемъ пути рветъ все — и людей, и солому, и камни, — не щадила никого и ничего. Говорили о религіи — иронія, говорили о философіи, о смыслѣ и дѣлахъ жизни — иронія, поднималъ ли кто вопросъ о народѣ, его страданіяхъ, будущности — иронія.. Въ Петербургѣ есть особая порода людей, которые специально занимаются тѣмъ что выслушиваютъ каждое явленіе жизни; они не могутъ пройти даже мимо голоднаго или самоубійцы безъ того чтобы не состроить рожи и не сказать пошлости. Но Орловъ и его пріятели не шутили, и я напѣвасно сидѣлъ объ-

яснить их проною то неискренностью, то великосвѣтскимъ бахвальствомъ. Они съ проной говорили что Бога нѣтъ и со смертію личность исчезаетъ совершенно; безсмертныя существуютъ только во Французской академіи. Истиннаго блага нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ наличность его обусловлена чело-вѣческимъ совершенствомъ, а послѣднее есть логическая нелѣпость.

Изъ такихъ теоретическихъ положений вытекали сами-собою и ихъ практической сужденія:

Отъ вина къ концу ужина становились веселіе и переходили ко всегдашнему и неисчерпаемому вопросу о любви и женщинахъ. Начинали съ легкихъ сплетенъ и шутокъ. Подсѣивались надъ семейною жизнью Грузина, надъ побѣдами Кукушкина, или надъ Пекарскимъ, у котораго будто бы въ расходной книжкѣ была одна страничка съ заголовкомъ: *На дѣла благотворительности*, и другая—*На физиологическія потребности*. Затѣмъ мало-по-малу переходили къ обобщеніямъ. По ихъ мнѣнію, основанному, главнымъ образомъ, на опытѣ Орлова, нѣтъ вѣрныхъ женъ; нѣтъ такой жены отъ которой, при нѣкоторомъ навыкѣ, нельзя было бы добиться ласокъ, въ самомъ грубомъ смыслѣ этого слова, не выходя изъ гостиной, въ то время, когда въ кабинетѣ сидитъ мужъ. Дѣвочки-подружки развращены и уже знаютъ все.

Говорили за ужиномъ, что чистоты нравовъ не было никогда и нѣтъ ея, очевидно, она не нужна; человечество до сихъ поръ прекрасно обходилось безъ нея. Вредъ же отъ такъ-называемаго разврата несомнѣнно преувеличенъ. Извращеніе, предусмотрѣнное въ нашемъ уставѣ о наказаніяхъ, не мѣшало Диогену быть философомъ и учителемъ; Цезарь и Цицеронъ были развратники и, въ то же время, великіе люди. Старики Катонъ имѣлъ жестокость жениться на молодой, но все-таки продолжалъ считаться суровымъ постникомъ и блюстителемъ нравовъ.

Таковы эти житейскіе нигилисты. Ихъ можно найти вездѣ: въ высшемъ кругу, къ которому принадлежать дѣйствующія лица разказа г. Чехова, въ

среднемъ, въ низшемъ. Вся эта „интеллигенція“ связана единствомъ идеи—идеи житейскаго нигилизма. Для этого житейскаго нигилизма существуетъ только свое эгоистическое я, и съ точки зрѣнія этого я онъ обсуждаетъ всѣ вопросы міра и жизни. Нравственность здѣсь замѣнена понятіемъ нравственнаго комфорта и условныхъ приличій. Все что внѣ этого—сведено просто на физиологию. Любовь—физиологическое отправление, бракъ—условная форма общежитія, имѣющая только значеніе декораціи. Религія, государство, семья—тоже декораціи, необходимыя въ житейскомъ обиходѣ. Народъ—грубая масса, для которой нужна узда религіи; вѣрованія, идеалы этого народа—грубые предрасудки, остатки дикости и варварства.

Очень понятно какъ на такой почвѣ возникъ нигилизмъ принципиальный. Этотъ принципиальный нигилизмъ, не разсмотрѣвъ что подъ поверхностью жизни, подъ поверхностью житейскаго нигилизма, скрывается мощная стихія народная, съ ея неизбежными вѣрованіями, съ ея чистыми и высокими идеалами, началъ распатывать декораціи которыми прикрывался житейскій нигилизмъ. Но то, изъ чего житейскій нигилизмъ хотѣлъ сдѣлать только декорацію, оказалось вовсе не декораціей, а живою и живущею идеей—и принципиальный нигилизмъ долженъ былъ отступить предъ этою великою идеей, живущею въ народѣ нашемъ, отступить, растерянный и смущенный. Принципиальный нигилизмъ „сталъ замѣчать“ что кромѣ житейскаго нигилизма, кромѣ этого отвратительнаго призрака, „есть еще необъятный міръ, съ его вѣками, безконечностью и съ миллиардами жизней въ прошломъ и настоящемъ“... Своимъ „прозрѣніемъ“ принципиальный нигилизмъ былъ обязанъ столкновенію со стихіей народною... Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ дѣла—дѣла еще только начинающагося, дѣла тяжелаго, труднаго, дѣла возрожденія нашего общества... И когда думаешь обо всемъ этомъ, невольно приходятъ на память какъ бы пророческія слова Достоевскаго о томъ что „народъ спасетъ себя—и насъ“...

Ю. НИКОЛАЕВЪ.